

— Ну, слушай! Маленькой я скорей была похожа на сорванца-мальчишку, чем на девочку. Ничего не боялась. Мне хотелось самой до всего дотронуться, все узнать, сделать то, что нелегко: поглубже в лес забраться, залезть на самую верхушку дерева...

Вот как-то раз ношусь я с криком по улице и вижу: на бугре пасутся лошади. И сразу один конь мне больше всех понравился: гнедой, хвост белый. Подбежала к нему, развязала ему путы на передних ногах. Можно садиться. Но как? До спины коня даже рукой не достать. Нарвала я травы, подманила ею коня к заборчику, сама — на забор, с забора — на коня. Готово! Из пут я сделала уздечку, ударила босыми ногами по бокам коня, как шпорами. Наверное, и конь был такой же сорванец, как я. Помчались мы с ним в степь, только ветер в ушах засвистел! Хорошо! Земля убегает из-под ног, ветер бьет в лицо, дорога свободна...

Ну и поносил же меня конь по степи — сам устал! Сбросил меня со спины, как мешок, — и в стадо. А я как свалилась с него, так и встать не могу. Хорошо еще, что не попала под копыта. Папа очень рассердился: конь-то оказался с норовом. И запретил мне папа раз и навсегда кататься на конях.

— Не послушаешься, — говорит, — целое лето в комнате просидишь.

Я послушалась. Но только раз вижу — ходит по двору здоровенный такой кабан.

Подошла я тихонько к кабану. Почесала у него за ухом, а потом, когда он расчувствовался, я — прыг к нему на спину и вцепилась в щетину. Кабан сначала ничего не понял, а потом сам испугался, захрюкал, да как давай меня носить да мотать по двору, только в глазах у меня замелькало! Все было бы ничего, да вижу — несет меня кабан к крыльцу, а на крыльце папа сидит...